

Считая, что самого себя человек знает, как ничто другое, он отождествлял себя и окружающий мир. Отсюда символизм в изложении реальности, который практически полностью скрывает отображаемую реальность: вместо природных процессов — подчеркнутый антропоморфизм в виде, например, семейно-брачных отношений существ, олицетворяющих эти явления; вместо социальных явлений — символизирующие их персонажи. Например, группа древнеегипетских мифов о смерти Осириса (бога зерна и покровителя земледельцев) от руки брата его Сета (бога пустыни и покровителя кочевников-скотоводов) отражает реальное разделение труда на земледелие и скотоводство, со всеми вытекающими из этих видов человеческой деятельности характеристиками. Таким же по форме и отражаемому содержанию является братоубийственный миф о Каине и Авеле. Таким образом, мифы особым образом фиксируют, описывают и объясняют реальность своего времени, и это объяснение в условиях архаического общества являлось достаточным. «Объяснено, значит познано». При этом реальность прикрыта формой, а форма, в свою очередь, весьма реалистична, являет собою также реальность, поскольку «списана» с реальных взаимоотношений реальных людей.

Сказка, как более поздняя универсалия культуры, также отражает реальность. Возвращаясь к указанным выше отличиям мифа от сказки, отметим, что действие мифа разворачивается в конкретном, географически знакомом пространстве, а сказки — «в некотором царстве, в некотором государстве», «в одном городе» и т. д. Однако в ней повествуется о привычных, известных для человека житейских ситуациях и реальных проблемах бытия. Особый волшебный мир помещается «за тридевять земель», куда надо «три года идти, железные башмаки стоптать», то есть, фактически, дойдя, уже совершить подвиг! А ведь все главные события и подвиги еще впереди! Где же реальность? В сказке отражаются реальное желание счастья, жажда справедливости, поиск красоты и истины, и понимание сложности реализации этого, а также противостояние добра и зла в человеческой жизни и неизбывная надежда на торжество добра.

Н. В. Попова, С. З. Гончаров
Каменск-Уральск, Екатеринбург

ПРАВСТВЕННОСТЬ — ИСХОДНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

«Коперниканский переворот» М. Канта заключается в том, что он утвердил идею: субъект не адаптируется к объективной реаль-

ности, а адаптирует ее к себе посредством орудий, самостоятельности воображения, рассудка, свободной воли, веры. Но за самостоятельностью творческих сил скрывается единая, человекообразующая инстанция — *свобода воли*; из нее вырастают и воображение, и мышление, и эстетическое освоение реальности. Генетически исходной в антропогенезе явилось становление нравственности, совпадающее со становлением свободы воли.

Рассматривая начало человеческой истории, Кант отметил главное: *сдерживание инстинктов* (пищевого и полового). «Отказ» от власти инстинкта пола «был тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность — в любовь, ощущение, просто приятное, — в понимание красоты, сначала в человеке, а затем и в природе». Начало истории Кант связывал с нравственной саморегуляцией. «Соккрытие того, что могло бы вызвать презрение», дало «первое указание к воспитанию человека как нравственного существа. Незаметное начало, — создавшее, однако, эпоху тем, что дало совершенно новое направление образу мышления, — важнее, чем следующий за ним необозримый ряд завоеваний культуры» [2, С. 47–48]. Выходит, рождение нравственной саморегуляции первично по отношению «ко всем завоеваниям культуры»!

Что же побудило предгоминидов к торможению природных вожделений? Почему психика вырвалась из рефлекторного кольца и стала *удваивать реальность* на чувственно-воспринимаемую и воображаемую? Крайне суровые обстоятельства, которые проанализировал Ю. М. Бородай в своей замечательной книге. Он спрашивает: как бессознательный, реактивный механизм биологической ориентации в среде естественноналичных раздражителей мог превратиться в «сверхъестественный» свободный акт произвольного идеального представления и целеполагания? [1, с. 17–18]. Зададим еще вопрос: почему в деятельности человека будущее (цель) направляет настоящее? Ведь эта способность является «решающим признаком преимущества человека» [2, С. 48]. Традиционное объяснение (предгоминиды заметили эффективность использования орудий) содержит круг; чтобы «заметить», надо использовать орудия длительное время, а это как раз и нуждается в объяснении.

Причиной возникновения первичных актов воображения в процессе антропогенеза стали «жесткие сексуальные ограничения в первобытно-родовой общине — отказ от половых связей внутри сообщества», чтобы избежать самоистребления мужских особей; половой инстинкт столкнулся с инстинктом самосохранения; «ре-

результатом чего и явилась первая (тотемная) форма экзогамии». Существенно то, что эта первая форма первобытного аскетизма была результатом не внешнего запрета, но «самоограничением *мужских* особей, их *внутреннего самоограничения*». Человек стал человеком тогда, когда он впервые надел повязку на бедра [1, с. 359]. Ю. М. Бородай раскрывает, каким мучительным и трагическим для индивидов был процесс отделения *аутической* психики предгоминидов от природных вожделений: эротика — смерть — табу — символизация коллективных представлений в первобытной общине — нравственный императив — свободный выбор (совесть) — воображение — продуцирование идеальных предметов. Формой запрета половых связей внутри общины явилось *табу*, представленное в виде *тотема*. Родовой бог — «символ бунта против себя самого, против природно-биологической детерминации своего «Эго». Путь к Богу — подавление своих инстинктов, аскетизм. Это первый шаг к свободе воли — покорение природы» [1, с. 178]. Бунт предгоминидов — это их восстание против собственной природно-вождевающей природы ради выхода из тупика самоистребления: эротика — смерть. Любопытно то, что тотем — всеобщий принцип родовой организации у всех народов в древности.

Самоограничение стало исходным принципом нравственности, началом всякой дальнейшей надприродной социальной связи. Как в древности, так и ныне аскеза есть «живой нерв всякого продуктивного созидания вообще» [1, с. 360], будь то возрождение страны или духовное творчество в культуре. Табу, самоограничение — первая, архаическая «форма совести». Рождение совести есть «рождение свободы воли или, что то же самое, — *вменяемости*» [1, с. 167].

Человек обрел способность *свободного* решения — реагировать или воздержаться. Внешняя детерминация отступила перед должным.

Какова связь между нравственностью, идеальным и орудийностью? Тотем есть *общеэзначимый надындивидуальный* символ, который входил в психику индивидов путем *общих* культовых действий, подкрепленных *единым* мифом и магией. А общеэзначимое, надындивидуальное и единое — существенные определения идеального, мышления. Животное-тотем приручали, его нельзя поедать и т. д. Став запретной, ситуация объективной амбивалентности (эротика — смерть) продолжает воспроизводиться в мистических обрядах. Символическое воспроизведение антропогенетической ситуации (эротика — смерть) закреплялось коллективными представлениями на основе магических действий, из которых

затем «вычлениаются рационально-практические элементы, подлежащие прагматической утилизации». Изобретение первых орудий, приручение животных совершалось, видимо, «в рамках магически-ритуальных действий» [1, с. 172]. Согласно Ю. М. Бородаю, именно разного рода «пришельцы, «завоеватели», не посвященные в эротическую магию, наращивали ее прагматическую сторону — разведение скота для дани с покоренных общин, меновые отношения и т. п. Пришельцев-варваров интересовали животные не в их символическом значении, но как «достаточно увесистые и жирные». Внешнее принуждение к такому упрощению превращало религиозно-ритуализированную деятельность, подобную бескорыстному искусству, в «бремя», в подневольный труд, подчиненный «внешней целесообразности». Одновременно аутистическое мышление туземцев отдалается от своих мистических корней, становится более «трезвым», подчиненным «принципу реальности». Так осуществлялся переход от «пралогических форм аутистического сознания к беспристрастному рационально-прагматическому мышлению» [1, с. 173-175].

Из концепции Бородая можно сделать ряд выводов. Во-первых, нравственность — не побочный аспект жизни, а *генетически исходное всеобщее определение социальной связи*. У всех народов с древности и по настоящее время нравственность базируется, в конечном счете, на божестве на религиозных святынях. Нравственность потому подкрепляется религиозно-культовой практикой (Абсолютом), что сама она является *абсолютной, всеобщим для всех членов социальной общности условием существования социальной связи вообще*. Нравственность — это пароль на вход, пропуск в человеческую общность. Во-вторых, из нравственной регуляции следуют все основные характеристики человека — свобода воли, воображение, понятийное мышление с его способностью возводить частное во *всеобщее и общезначимое*; идентификация индивида с той или иной общностью, ценностями; понимающие общественные чувства человека, побуждающие к солидарности, сочувствию и т. д. В-третьих, конституирующая роль нравственности выражается в том, что ее эрозия есть *угасание социальной связи, деградация по всей линии бытия людей, десоциализация индивидов*. Распад общности народа всегда начинается с эрозии нравственности, с «сексуальных революций».

Истоки мышления уходят, вероятно, в социальную связь, в ее исходную — *нравственную форму*. Во-первых, *нравственные императивы всеобщы и общезначимы* с самого начала для той или иной социальной группы; они обращены к *воле* и ориентируют на

действие, на поступок. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором онтологическим, и именно поэтому и логическим*. Понятийному мышлению предшествовала длительная практика возвышения индивидуальной психики к первичному «супер-Эго». Последним «и был тотем — архаический родовой бог» [1, с. 178]. Во-вторых, нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, они *сверхситуативны* и прямо требуют *первичности идеального* над реальным, требуют *осуществления должного*, а не только индивидуально желаемого. А *должное* есть схемы работы воли. Должное полагается как *цель*, как образ желаемого будущего, которое *представляется* и определяет внешне-предметную активность. Получается такая связь: табу — самоограничение — нравственные императивы — свобода воли — воображение — *должное* — *цель* — производство чего-либо.

Первичная надприродная социальная связь (нравственность) превращается под разными «вывесками» в *субстанцию* человеческой активности. Оказывается, за продуктивным воображением, творящим предметные понятия, тоже скрывается *свобода* воли, ставшая таковой (свободной) благодаря длительному процессу самоограничения, которому мы учимся и поныне, и которой люди будут учиться всегда. Выходит, и способы мышления (логические категории) тоже есть схемы работы ... свободной воли? Получается, так. Именно *должным* человек оценивает то, что есть. Если сотворенная реальность соответствует *должному*, то ее и называют *истиной* в подлинном смысле этого слова («истинный друг»). Истина — высокое своим смыслом слово, чтобы определять ее как соответствие знания действительности (Аристотель). Это не истина, а верное знание. Истина обретается страданием и мудростью, а не экспериментом, как верное знание. Евангельские слова «Я есть путь, истина и жизнь» содержат подлинный смысл истины.

У современного человека система значений тоже организована вертикалью ценностей, которые направляют мышление. Вершиной вертикали, как правило, являются ценности с *нравственной доминантой*. Философские системы Платона и Гегеля увенчаны идеей блага. К. Маркс вдохновлялся нравственным мотивом — работать на человечество. Мировые религии прямо вменяют нравственность. Кредо Эпикура — нельзя жить разумно, не живя нравственно и наоборот. Познавать природу, чтобы правильно жить — императив философской классики Нового времени. Р. Декарт разумел под этикой «высочайшую и совершеннейшую науку о нравах», «последнюю ступень к высшей мудрости». Б. Спиноза в своей «Этике» желает направить все науки к одной цели — «к

достижению наивысшего человеческого совершенства». «Героями нравственности», по выражению Маркса, являются Кант и И. Г. Фихте. Вся русская философия сфокусирована на духовно-нравственном содержании.

В-третьих, в филогенезе образование понятий, вероятно, было производно от *нравственных требований* родовых общин, обращенных к индивиду: *делай и поступай согласно всеобщему общепризнанному* (велениям богов, предков). Тем самым преодолевались природные вожделения и аутизм психики индивида. Овладение реальностью путем превращения нравственно-должного в безлично-логическую необходимость понятия было, вероятно, на первых порах делом весьма мучительным и рискованным [1, с. 309].

Ныне техногенная цивилизация добывает себя окончательно принципом капитала: максимум прибыли, минимум совести. Схема классического капитализма Д — Т — Д? заменяется спекулятивной ростовщической схемой Д — Д?, без процесса производства. Кризис социальной связи обрел масштаб планетарный. Дело не в дефиците углеводов, а в дефиците совести, а значит и культуры. Совесть — главное нравственное разумное чувство — исходит из *равноценности достоинства* каждого человека независимо от пола, национальной принадлежности и социального положения, что проявляется в известных императивах: чти достоинство свое и других лиц; поступай так, чтобы твой мотив стал принципом всеобщего законодательства; не превращай других людей только в средство для своих целей, человек — самоцель. Эти императивы отрицают саму основу капиталистического производства, в частности, угнетение. Но они же служат предпосылкой всех форм и универсалий культуры.

1. Бородай. Эротика — Смерть — Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996.

2. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трататы и письма. М., 1980.

Р. Ю. Порозов
Екатеринбург

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализ понятия «ценность» является объектом интереса широкого круга исследователей: социологов, философов, психологов. В психологии ценность определяется через потребности, которые